

Красный Танатос: об упразднении смерти и ее новой онтологии в советской философии и культуре

Научный руководитель – Козолупенко Дарья Павловна

Григорьева Екатерина Сергеевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: yatak.grig@yandex.ru

Настоящий доклад будет посвящен исследованию онтологии смерти в советской философии и культуре.

С одной стороны, речь пойдет об онтологии смерти, восходящей к попыткам упразднения этой самой смерти и связанной с идеей достижения бессмертия. В этом контексте будет произведено обращение к идеям русского космизма и рецепции этих идей в ранней советской России, нашедших свое выражение, в частности, в проекте биокосмизма. Революционная романтика призывала к преодолению биологической природы человека, в том числе и главным образом – к преодолению смерти. На заре советского проекта, в самом начале двадцатых годов, А.Ф. Агиенко, или Александр Святогор, лидер движения биокосмистов, утверждал, что социальная программа-максимум уже осуществлена, теперь же остается «поставить на очередь дня космическое воскрешение мёртвых» [3, 219].

Кроме того, будет продемонстрировано, каким образом идея упразднения смерти находила своё выражение в доминирующем художественном направлении СССР – социалистическом реализме, говорящем, согласно нашей интуиции, главным образом о тотализации жизни и отсутствии – или вытеснении – смерти как таковой. Для демонстрации этой интуиции будет произведено обращение к теоретикам раннего советского искусства, в частности, к Б. Арватову [1], О. Брику [2] и др.

Вытесняемый феномен, однако, имеет свойство возвращаться и заявлять о своём присутствии. Это происходит и в случае со смертью в рамках советского проекта. Возвращаясь, она берет на себя тотализирующую функцию.

Так, с другой стороны, в рамках доклада речь пойдет об антагонистичном приведённому движению, а именно о художественном направлении некрореализм и выстраиваемой им онтологии, сознательно противопоставляющей себя социалистическому реализму. Некрореализм говорит о тотализации смерти и невозможности бессмертия как такового.

Будет произведена попытка обнаружения истоков некрореализма ещё в контексте ранней советской России, а именно в контексте, связанном с созданием в СССР новой антропологической модели. Н.И. Бухарин на тринадцатом съезде РКП(б) в 1924 году говорил о том, что главное достижение советской революционной власти – создание нового типа человека. Закономерным образом, если мы говорим о человеке, практически с неизбежностью мы говорим и о плеяде философских интерпретаций смерти, связанных с попытками связать пространство подлинности человеческого бытия, пространство обретения человеком самого себя со смертью и умиранием [6, 255]. Можно попробовать спросить, иными словами, полагалась ли этому новому человеку новая смерть [5]. В этом контексте речь пойдет о трансформации похоронной обрядности в контексте ранней советской России, а именно о проектах В.В. Вересаева и Л.Д. Троцкого, касающихся, собственно, процедуры захоронения нового человека в новом социалистическом мире.

В этих обстоятельствах закономерной кажется онтология некрореализма и сам некрореализм, задающийся вопросом о том, как возможен какой-либо реализм, кроме мёртвого реализма [4, 59].

Источники и литература

- 1) Арватов Б. Искусство и производство. Сборник статей. М.: V-A-C press, 2018.
- 2) Брик О. Художник-пролетарий // Искусство коммуны. - 1918. - №1
- 3) Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Международные отношения, 1990.
- 4) Мазин В. Основания некропрактики. // Некрореализм. Каталог выставки. Издательство Московского музея современного искусства, 2007.
- 5) Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР / Анна Соколова. – М.: Новое литературное обозрение. 2022.
- 6) Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997.